

Сравнительный анализ личностных структур лиц, совершивших агрессивные и неагрессивные правонарушения

Калашникова А.С.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник, ФГБУ «ГНЦСП им. В.П. Сербского» МЗ РФ, Москва, Россия, kaspsy@mail.ru

Василенко Т.Г.,

аспирантка кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, vasilenko.t.g@gmail.com

Проблема возникновения агрессивного поведения рассматривается через анализ взаимосвязи проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур. В описываемом исследовании приняли участие 54 мужчины, отбывающие наказание за совершение уголовных преступлений, из них 24 человека – за совершение насильственных правонарушений и 30 человек – за совершение правонарушений без применения насилия. Использовались методики, направленные на исследование как проагрессивных, так и сдерживающих агрессию личностных структур. Статистическая обработка данных проводилась с помощью выявления значимых различий между группами и определения корреляционных связей. На их основании строились корреляционные плеяды, которые интерпретировались с помощью не только количественного, но и качественного анализа. Согласно полученным результатам, между исследуемыми группами статистически значимых различий по уровню выраженности агрессивности и ингибиторов агрессии обнаружено не было, однако были выявлены качественные различия при структурном анализе данных индивидуально-психологических особенностей, которые предположительно и отличают агрессивных правонарушителей от лиц, совершивших правонарушения без применения насилия.

Ключевые слова: агрессивное поведение, противоправные насильственные действия, правонарушения без использования насилия, проагрессивные факторы, ингибиторы агрессии, тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры.

Для цитаты:

Калашникова А.С., Василенко Т.Г. Сравнительный анализ личностных структур лиц, совершивших агрессивные и неагрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikova_Vasilenko.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

*Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Comparative analysis of personality structures of the perpetrators of aggressive and non-aggressive offense [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 3. Available at: URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikova_Vasilenko.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)*

Проблема профилактики различного рода правонарушений стоит достаточно остро как в Российской Федерации, так и за рубежом в связи с неизменно высоким уровнем преступлений насильственного и ненасильственного характера, наносящими значительный ущерб государству и его гражданам. Между тем современные научные исследования сконцентрированы на изучении проблемы криминальной агрессии и в большинстве случаев ограничиваются рассмотрением исключительно личностных структур, провоцирующих агрессивное поведение и повышающих риск совершения противоправных насильственных действий [1; 2; 14], при этом проблема исследования совместного вклада агрессивных и тормозящих агрессивные проявления личностных структур остается в меньшей степени изученной [3; 4; 8]. Недостаточно освещен и вопрос о влиянии различно направленных личностных структур на формирование психологических механизмов совершения не только агрессивно-насильственных правонарушений, но и правонарушений без применения насилия. Научные исследования в данном направлении позволили бы не только более полно описать психологические факторы, вносящие вклад в формирование противоправного поведения, но и разработать направления профилактики и коррекции подобного рода деликтов.

Целью проведенного нами исследования было выявление индивидуально-психологических особенностей, способствующих и сдерживающих проявления агрессии, у лиц, осужденных за агрессивные правонарушения и осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия.

С точки зрения уголовного права и криминологии, агрессивно-насильственное преступление – это умышленное физическое действие, причиняющее физический ущерб личности, а также угроза нанесения такого или любого другого ущерба, принудительное воздействие на человека, его притеснение, нарушение личной неприкосновенности [6]. В нашем исследовании в качестве насильственных рассматривались все преступления, при совершении которых применялось насилие как субъективно враждебное и нацеленное причинение физического вреда разрушающего характера другому человеку, независимо от того, было ли оно элементом мотивации или только средством достижения цели [5; 13].

Индивидуально-психологические особенности в рамках выбранной для нашего исследования теоретической концепции [8] были условно разделены на способствующие и сдерживающие агрессивные импульсы личностные структуры. Так, проагрессивные факторы включают в себя общий уровень агрессивности личности, которая рассматривается в трех планах: мотивационная агрессивность (внутреннее побуждение к совершению агрессивных действий), агрессивность как черта личности (в виде привычного способа реагирования в различных жизненных ситуациях) и реактивная агрессивность (агрессия в ответ на психотравмирующие воздействия). Под ингибиторами агрессии понимаются психологические факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя личностные структуры, подавляющие агрессивные импульсы [7]. Согласно типологии тормозящих (подавляющих) агрессию личностных структур, предложенной Ф.С. Сафуановым [8], среди ингибиторов агрессии выделяют социально-нормативные, ценностные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные тормозящие тенденции и механизмы психологической защиты.

Материал и методы исследования

В нашем исследовании приняли участие 54 осужденных, отбывающих наказание в Следственном изоляторе № 3 Москвы, а также в Исправительной колонии Коломны в период с сентября 2012 г. по апрель 2013 г.

В качестве экспериментальной группы были исследованы 24 мужчины в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст – 31 год), отбывающие наказание за агрессивные правонарушения по статьям: 105 части 1, 2 УК РФ («Убийство»); 111 части 1, 4 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»); 131 части 1, 2 УК РФ

(«Изнасилование»); 132 части 1, 2 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»); 162 части 1, 2 УК РФ («Разбой»).

Контрольную группу составили 30 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет (средний возраст – 30 лет), осужденные за правонарушения без применения насилия по статьям: 119 часть 1 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»); 135 части 1, 2 УК РФ («Развратные действия»); 158 УК РФ («Кража»); 159 части 2, 3 УК РФ («Мошенничество»); 160 часть 1 УК РФ («Присвоение или растрата»); 161 УК РФ («Грабеж»); 228 УК РФ («Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»); 325 части 1, 2 УК РФ («Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия»).

Для изучения социально-психологических характеристик, а также получения криминологических данных были использованы методы стандартизированного интервью и анализа документации. Для выявления индивидуально-психологических особенностей применялись следующие методики: «Тест смысловых ориентаций (СЖО)» Дж. Крамбо, Л. Махолика, адаптированный Д.А. Леонтьевым (для выявления ценностных ингибиторов агрессии); опросник Плутчика–Келлермана–Конте «Индекс жизненного стиля» (LSI) (для выявления механизмов психологической защиты); тест «Исследование волевой саморегуляции» (ВСК) А. Зверкова, Е.В. Эйдмана (для выявления эмоционального ингибитора агрессии в форме волевой саморегуляции); «Торонтская алекситимическая шкала» Г. Тейлора (TAS-26) (для выявления эмоциональных ингибиторов агрессии); «Личностный опросник агрессивности» Басса–Перри (для выявления диспозиционной агрессивности); «Тест руки» Э. Вагнера (для выявления мотивационной агрессивности); «Тест фрустрационной толерантности» С. Розенцвейга (для выявления реактивной агрессивности); «Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ)» в интерпретации Ф.Б. Березина (для выявления социально-нормативных ингибиторов агрессии – шкалы F, 4,8; эмоциональных – шкалы 2, 7, 8, 9; коммуникативных – шкала 0; диспозиционных – шкалы 1, 3, 6).

Для верификации полученных результатов применялась статистическая обработка данных при помощи программы IBM SPSS Statistics 20. Определение значимости различий показателей между группами производилось с помощью критерия Манна–Уитни; корреляционный анализ – с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

По результатам проведенного исследования статистически значимых различий между экспериментальной выборкой лиц, осужденных за агрессивные правонарушения, и контрольной выборкой лиц, осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, практически обнаружено не было. Единственным значимым различием при данном сравнении явился показатель удовлетворенности личности прожитым этапом жизни и его результативностью (показатель «Результат» в методике СЖО), выраженный у лиц, совершивших агрессивные правонарушения, в меньшей степени (при $p < 0,05$). Подобный результат может быть вызван рядом причин. Во-первых, испытуемые обеих групп исследования являются осужденными одной колонии и отбывают наказание вместе на протяжении многих лет, что придает этим группам черты гомогенности. Во-вторых, акцент на указанном показателе может быть обусловлен различными степенью тяжести и характером совершенных правонарушений, влекущими за собой различные последствия и условия отбывания наказания.

В связи с отсутствием статистически значимых количественных различий между группами был проведен качественный анализ путем интерпретации структурных

элементов в корреляционных плеядах¹, составленных на основе выявленных в каждой группе корреляционных связей².

По результатам проведенного качественного анализа наблюдаются уникальные картины связей проагрессивных и ингибирующих структур в каждой группе исследования. Если обратиться к корреляционной плеяде проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе лиц, совершивших агрессивные правонарушения (рис. 1), то при ее анализе выявляется центральная тенденция – склонность к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния фрустрации (показатель E' в методике «Тест фрустрационной толерантности» С. Розенцвейга). Личностные свойства тесно связываются здесь в одну структуру. Внутри структуры, несмотря на большое количество ее элементов, наблюдается небольшое количество связей, что может говорить о простоте организации ассоциативных связей личностной структуры.

На первый взгляд, проагрессивные структуры и ингибиторы агрессии представлены примерно в равном соотношении, однако не все параметры, изначально принимаемые в качестве сдерживающих агрессию факторов, выполняют тормозящую функцию. Так, изначально предполагаемые в качестве ингибирующих агрессию структур шкалы ММИЛ проявляются в данной плеяде в качестве личностных особенностей, в большей мере способствующих проявлению агрессии (высокие значения шкалы 4 «Реализация эмоционального напряжения в непосредственном поведении», шкалы 6 «Аффективная ригидность», шкалы 8 «Ориентация на внутренние критерии» и низкие значения шкалы 7 «Фиксация тревоги и ограничительное поведение», имеющие прямые корреляционные связи с показателем E' «Склонность фиксации на препятствии»). Обнаруживается прямая корреляционная зависимость между большинством проагрессивных структур друг с другом и другими элементами личностной структуры; это говорит о том, что при усилении данных элементов проагрессивные структуры также усиливаются. Так, центральный компонент структуры – показатель E' – при обратной зависимости подавляет выраженность ингибиторов агрессии, один из которых (показатель «самообладание»), в свою очередь, при обратной зависимости усиливает элемент защитного механизма регрессии (методика LSI), увеличивающего при прямой зависимости выраженность проагрессивных структур. Обратная зависимость между разно направленными личностными тенденциями наблюдается лишь между тенденцией к реакции гнева («Гнев» в методике Басса–Перри) как элемента проагрессивных структур и общим уровнем волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости (методика ВСК) как элементов ингибирующих агрессию структур личности. Так, при усилении общего уровня волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости тенденция к реакции гнева ослабевает.

¹В связи с большим количеством измеряемых параметров и, как следствие, большим количеством значимых связей при составлении корреляционных плеяд учитывались корреляционные связи только при $p < 0,01$.

² При построении корреляционных плеяд учитывались взаимосвязи только между отдельными шкалами без учета суммарных показателей.

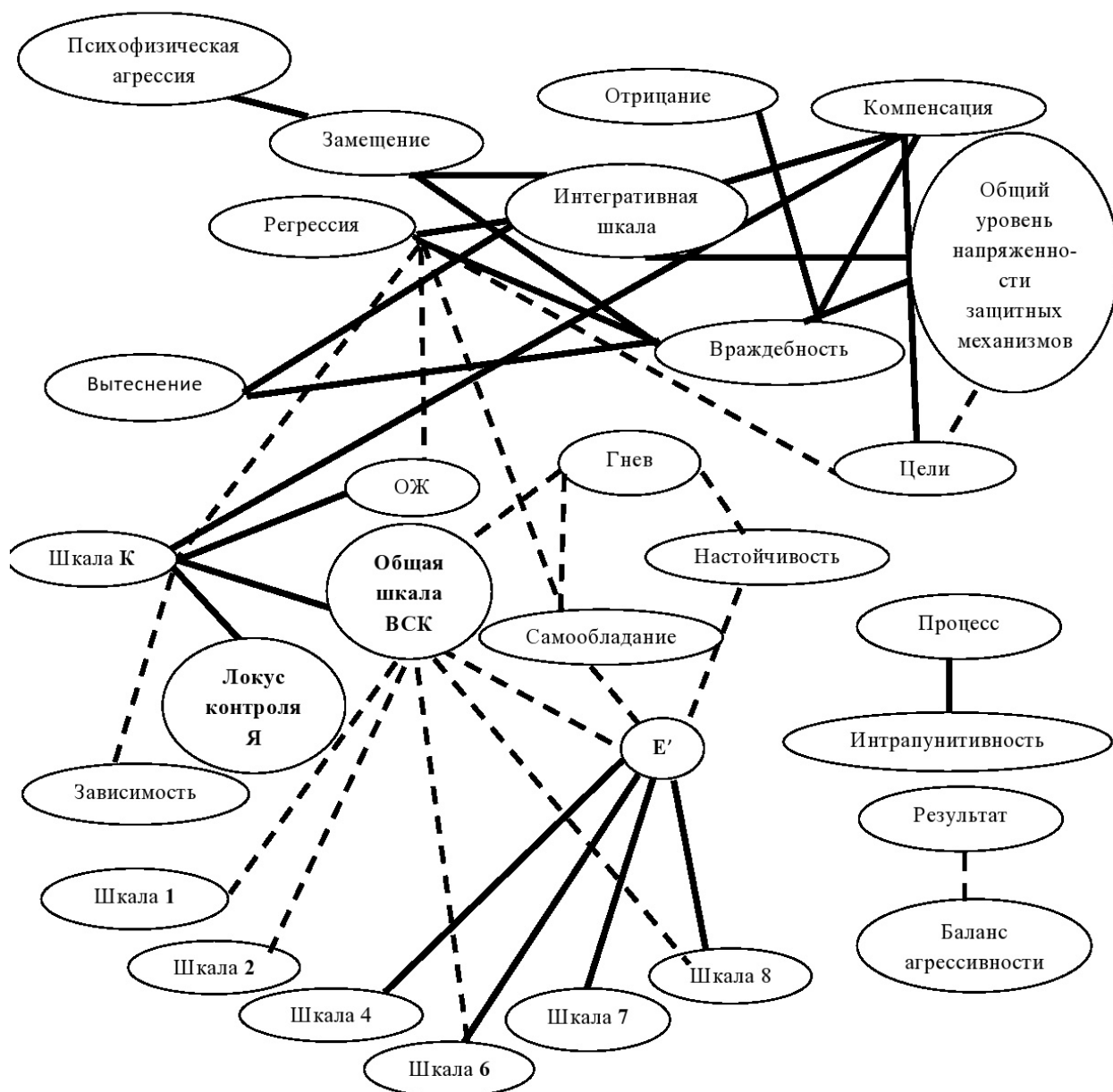

Рис.1. Корреляционная плеяда проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе осужденных за агрессивные правонарушения ($p < 0,01$)

Вместе с тем отдельного внимания заслуживает группа проагрессивных структур (на рис. 1 показатели «психофизическая агрессия» и «враждебность»), напрямую связанная с механизмами психологической защиты. Так, склонность к проявлению физической агрессии у осужденных за агрессивные правонарушения часто сочетается с проявлением таких механизмов психологической защиты, как вытеснение, регрессия, отрицание, проекция, компенсация, а также с общим уровнем напряженности механизмов защиты (при $p < 0,05$)³ при наиболее выраженном механизме замещения (при $p < 0,01$). Склонность к реакции гнева тесно связана с механизмом регрессии (при $p < 0,05$), а тенденция к враждебности – с проекцией и рационализацией (при $p < 0,05$) и такими механизмами, как

³ На рис. 1 не представлены описываемые корреляционные связи при уровне значимости $p < 0,05$, поскольку при построении корреляционных плеяд учитывались корреляционные связи только при $p < 0,01$.

вытеснение, регрессия, замещение, отрицание, компенсация, а также с общим уровнем напряженности защитных механизмов (при $p < 0,01$). Общая тенденция к агрессивным реакциям тесно связана у осужденных за агрессивные правонарушения с механизмами отрицания, проекции, рационализации (при $p < 0,05$) при наиболее тесной связи с механизмами вытеснения, регрессии, замещения, компенсации, а также общей напряженностью защитных механизмов (при $p < 0,01$). В данном случае механизмы психологической защиты также не выполняют роль ингибиторов агрессии, а скорее способствуют ее реализации.

При анализе корреляционной плеяды проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, выявляется центральный компонент структуры личностных параметров – алекситимия (TAS-26; рис. 2). Вместе с тем структура корреляционной плеяды рассматриваемой группы разделена на большое количество частей, не связанных между собой. Наблюдается небольшое количество связей между элементами, что может говорить о бедности личностной структуры и слабом характере ее ассоциативных связей. Можно сказать, что с небольшим перевесом преобладает выраженность ингибиторов агрессии по сравнению с проагрессивными структурами, при этом по сравнению с рассмотренной выше корреляционной плеядой осужденных, совершивших насильственные правонарушения, в этом случае изначально предполагаемые в качестве ингибиторов агрессии личностные структуры выполняют данную функцию, обнаруживая обратные корреляционные связи с показателями методик, отражающими склонность к проявлению агрессии. Так, у лиц, осужденных за совершение неагрессивных правонарушений, в отличие от осужденных за совершение насильственных преступлений, механизмы психологической защиты и шкалы ММИЛ играют роль ингибиторов агрессии (в том числе и при $p < 0,05$).

Наблюдается прямая зависимость между центральным показателем – алекситимией – и элементами проагрессивных структур личности: общей выраженностью агрессивных тенденций, реакцией гнева, враждебностью и психофизической агрессией (методика Басса–Перри). Это говорит о том, что у осужденных, совершивших правонарушения без применения насилия, ярко выраженная алекситимия усиливает выраженность данных элементов проагрессивных структур. Однако, как показано на рис. 2, обратной зависимостью связаны с алекситимией такие ингибиторы агрессии, как уровень волевого самоконтроля, самообладание (ВСК) и удовлетворенность прожитым этапом жизни («Жизнь» в методике СЖО) или его результативностью («Результат» в методике СЖО). Это означает, что при усилении данных тормозящих агрессию элементов выраженность алекситимии снижается, а вслед за ней соответственно снижается выраженность элементов проагрессивных структур. На проагрессивные структуры, в свою очередь, воздействует принятие ответственности и контроля над собственной жизнью, также их ослабляя.

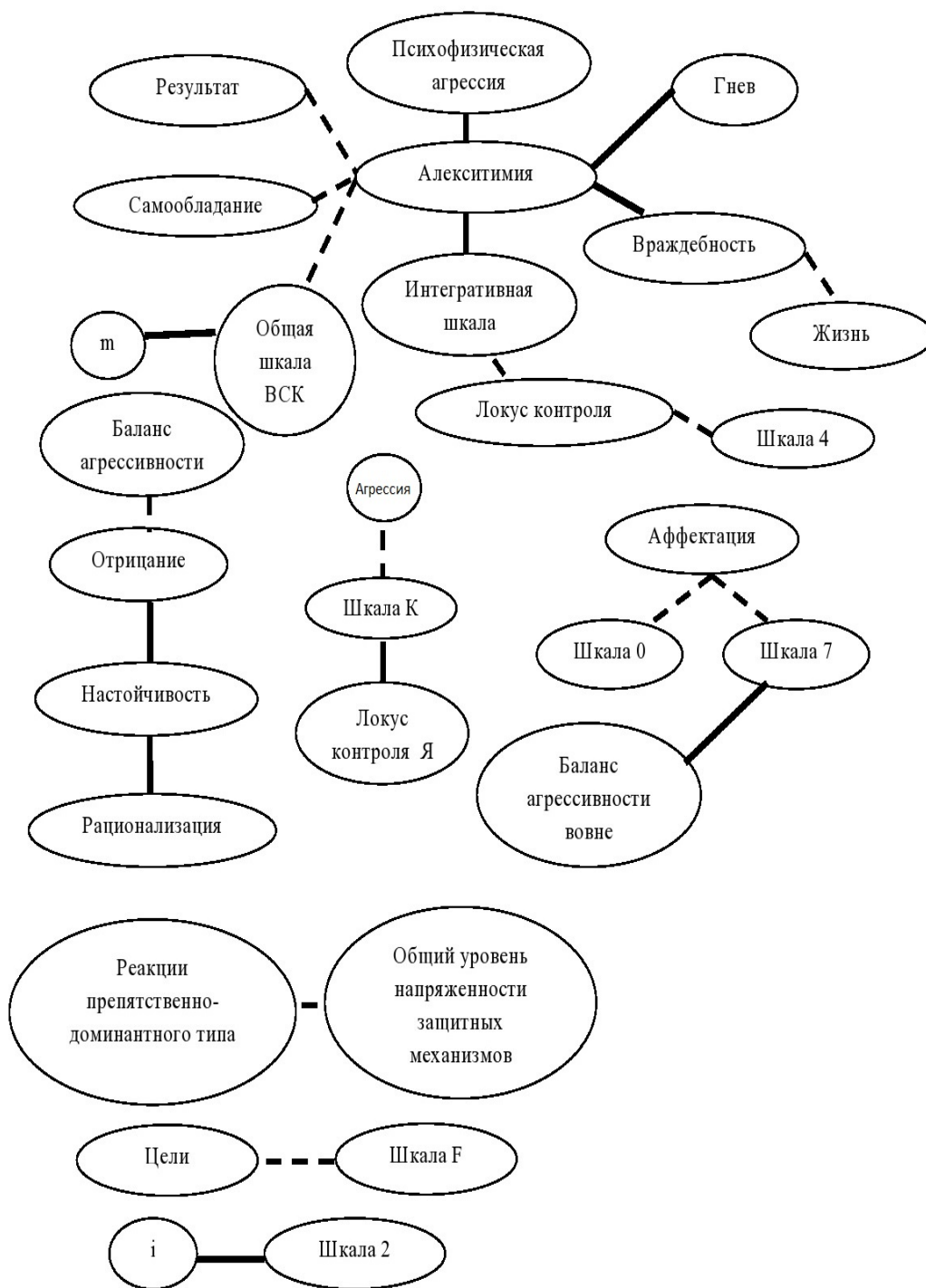

Рис. 2. Корреляционная плеяда проагрессивных структур и ингибиторов агрессии у лиц, совершивших правонарушения без применения насилия ($p < 0,01$)

Таким образом, у осужденных за насильственные правонарушения и осужденных за совершение правонарушений без применения насилия проагрессивные и ингибирующие элементы представлены различными картинами взаимосвязей в личностных структурах данных групп, что может являться фактором, обуславливающим характер поведения. Данные результаты подтверждают и дополняют исследования отечественных

и зарубежных авторов. Так, выявленные в нашем исследовании ведущие ингибиторы агрессии в форме самообладания и уровня волевого самоконтроля соотносятся с зарубежными исследованиями, представленными в Общей модели агрессии (General aggression model) [9; 10], мета-теории интегративной структуры связи агрессии и тормозящих механизмов I3 (I-cubedtheory) [11], теории взаимодействия личностных систем (Personality Systems Interaction Theory) [12]. Вместе с тем, в проведенном нами исследовании нашло отражение мнение, согласно которому любой фактор риска может являться одновременно защитным фактором, и наоборот [14].

Полученные в рамках данной работы результаты могут внести вклад в разработку коррекционных и реабилитационных программ как для осужденных за агрессивные правонарушения, так и для осужденных за правонарушения без применения насилия, реализация которых возможна в исправительных учреждениях. Данные программы могут быть построены с учетом принципа опоры на сохраненные и развитые ингибирующие агрессию структуры личности осужденных. Помимо этого, полученные данные могут быть приняты во внимание для профилактики правонарушений данного типа, а также в рамках судебной экспертизы.

Выводы

1. Статистически значимых количественных различий в выраженности индивидуально-психологических характеристик правонарушителей, осужденных за агрессивные правонарушения, и осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, выявлено не было, за исключением показателя удовлетворенности личности пройденным этапом жизненного пути.

2. Для лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, характерно сочетание внешне обвиняющей позиции и склонности к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия, которое находится в прямой взаимосвязи с такими чертами личности, как аффективная ригидность, тревожность, низкая способность к эмпатии, и в обратной взаимосвязи с такими особенностями, как настойчивость, самообладание и самоконтроль.

3. Для осужденных за совершение правонарушений без применения насилия ведущим звеном проагрессивных личностных особенностей является сниженная способность к различению собственных эмоций и эмоций других людей, сопровождаемая склонностью к реакциям гнева, враждебностью и психофизической агрессией, однако решающая роль отводится факторам, сдерживающим агрессивные импульсы, в виде самообладания, нацеленности на результат, высокой осмысленности жизни, принятия общепринятых норм и правил поведения.

4. При одинаково слабом характере ассоциативных связей и бедности личностных структур у лиц, осужденных за правонарушения, совершенные без применения насилия, и у лиц, осужденных за агрессивные правонарушения, наблюдается преобладание схожих ингибиторов агрессии: волевого самоконтроля и самообладания.

5. Одни и те же личностные структуры у осужденных за совершение правонарушений без применения насилия выступают в качестве ингибиторов агрессии, а у осужденных за агрессивно-насильственные правонарушения – в качестве факторов, способствующих ее проявлению.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Личность преступника: Криминологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 368 с.
2. *Бартол К.* Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.

3. *Калашникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. № 4. С. 258–266.
4. *Калашникова А.С., Василенко Т.Г.* Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (дата обращения: 16.05.2014).
5. *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивного-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект). Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2002. 136 с.
6. *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 107 с.
7. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
8. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
9. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model // Miller A.G. (Ed.). *The Social Psychology of Good and Evil*. N. Y.: Guilford Publications, 2004. P. 162–192.
10. *Cobb R. A., DeWall C.N., Lambert N.M.* et al. Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. P. 279–292.
11. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and aggression // *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21. P. 20–25.
12. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2008. Vol. 52. P. 554–572.
13. *Tapscott J.L., Hancock M., Hoaken P.N.S.* Severity and frequency of reactive and instrumental violent offending: divergent validity of subtypes of violence in an adult forensic sample // *Criminal Justice and Behavior*. 2012. Vol. 39. P. 202–223.
14. *Webster C.D., Martin M., Brink J.* et al. Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. P. 1–15.

Comparative Analysis of Personality Structures of the Perpetrators of Aggressive and Non-aggressive Offense

Kalashnikova A.S.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Senior Research Fellow, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Moscow, Russia, kaspsy@mail.ru

Vasilenko T.G.,

PhD Student, Department of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, vol4onka_@mail.ru

The problem of the emergence of aggressive behavior is seen through the analysis of the relationship of proaggressive and inhibiting aggression personality structures. The study involved 54 men serving sentences for criminal offenses, of which 24 were accused for violent offenses and 30 - for offenses without resorting to violence. We used questionnaires to study the proaggressive and deterring aggression personality structures. Statistical analysis was performed to reveal significant differences between groups and to determine correlations. On this basis, the

correlations were interpreted with the help of not only quantitative but also qualitative analysis. The results showed no significant differences in the level of expression of aggression and aggression inhibitors between treatment groups, but we identified qualitative differences in the structural analysis of data from individual psychological characteristics that are expected to distinguish aggressive offenders from the perpetrators without violence.

Keywords: aggressive behavior, illegal acts of violence, offense without the use of violence, proaggressive factors, aggression inhibitors, personality structures which inhibit (suppress) aggression.

References

1. Antonian Yu. M. Lichnost' prestupnika: Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie [The personality of the offender: a criminological-psychological approach]. Moscow: Norma: Infra-M, 2010. 368 p.
2. Bartol K. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya [Criminal Behavior: A Psychological Approach]. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2004. 352 p.
3. Kalashnikova A.S. Sootnoshenie lichnostnykh predposylok raznonapravlennoi (getero- i auto-) agressii [The relationship of the individual predictors of the multidirectional (self- and other-directed aggression)]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2009, no. 4, pp. 258–266.
4. Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Osobennosti proiavleniia proagressivnykh i ingibiruiushchikh agressiiu struktur u lits, sovershivshikh agressivnye pravonarusheniia [Features manifestations proagressivnykh and inhibiting aggression structures in perpetrators aggressive offense]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2013, no. 3. Available at: URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (Accessed 16.05.2014).
5. Lozhkin A.I. Psikhologiya lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivatsionno-smyslovoi aspekt) [The personality of violent offender: a psychological approach (the semantic-motivational aspect)]. Ekaterinburg: Publ. Ural.iurid. in-ta MVD Rossii, 2002. 136 p.
6. Lunev V.V. Motivatsiia prestupnogo povedeniia [Motivation of the violent behavior]. Moscow: Nauka, 1991. 107 p.
7. Nalchadzhian A.A. Agressivnost' cheloveka [Human aggressiveness]. St. Petersburg: Piter, 2007. 736 p.
8. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [The psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
9. Anderson G.A., Carnagey N.L. Violent evil and the general aggression model. In Miller A.G. (Ed.). *The social psychology of good and evil*. New York Guilford Publications, 2004, pp. 162–192.
10. Cobb R. A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D. Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? *Personality and social psychology bulletin*, 2013, pp. 279–292.
11. Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J. Self-Control and Aggression. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, pp. 20–25.
12. Ross T., Fontao M.I. The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 2008. Vol. 52, pp. 554–572.
13. Tapscott J.L., Hancock M., Hoaken P.N.S. Severity and frequency of reactive and instrumental violent offending: divergent validity of subtypes of violence in an adult forensic sample. *Criminal justice and behavior*, 2012. Vol. 39, pp. 202–223.
14. Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C. Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004, pp. 1–15.